Дж.Г. БАЛЛАРД

Поющие статуи

Музыка статуй [Поющие статуи]
Джеймс Грэм Баллард

Аннотация
Джеймс Баллард
Музыка статуй [Поющие статуи]

Аннотация

Есть история, где художник влюбляется в свою статую. А эта история, в которой в статую влюбляется не художник. Но художника любовь тоже не минует.

Джеймс Баллард

Музыка статуй [Поющие статуи]

И снова прошлой ночью, когда налетел ветер со стороны Западной Лагуны, я услышал обрывки музыки статуй, возносивших дифирамбы Ланоре Гален. Идя по медному песку к рифам, где растут звуковые скульптуры, я бродил в темноте среди металлических садов, в поиске голоса Ланоры. Сейчас никто не ухаживает за скульптурами, и большинство из них уже похоронил под собой песок, но, повинуясь импульсу, я срезал спираль и отнес ее на свою виллу, посадив в кварцевую грядку под балконом. Всю ночь та пела мне, ведя рассказ о Ланоре — и о той странной музыке, которую она играла сама себе.

Должно быть, я впервые увидел Ланору Гален в галерее Джорджа Неверса на Бич-Драйв чуть больше трех лет назад. Каждое лето в разгар сезона в Алых Песках Джордж устраивал для туристов специальную выставку звуковой скульптуры. Как-то утром, вскоре после открытия, я сидел в своей большой статуе «Нулевая Орбита» и подключал стереоусилители, когда Джордж вдруг кашлянул в микрофон, и звук, похожий на раскат

грома, едва не оглушил меня.

Со звенящей, точно гонг, головой я вылез из скульптуры, готовый наброситься на Джорджа и приложить его чем-нибудь потяжелее, но он, приложив изящный кончик пальца к губам, одарил меня тем взглядом, который между художником и дилером говорит: «Вот идет богатый клиент».

Скульптуры у входа в галерею начали гудеть, когда кто-то вошел, но солнечный свет, отраженный от капота белого «роллс-ройса» снаружи, заслонил дверной проем. Потом я увидел ее, склонившуюся над стендом с художественными каталогами, а за ней — ее секретаршу, высокую француженку с сумочкой в руках. Она была почти такой же величины знаменитость, как и ее распорядительница.

«Здесь Ланора Гален, — подумал я, — неужто все наши мечты сбудутся?» На ней был холодный, как лед, лоскуток голубого шелка, замерцавший, когда она двинулась к первой статуе, а также шляпа из черных фиалок и громоздкие темные очки, скрывавшие лицо, — сущий кошмар для хроникеров. Пока она стояла у статуи, одной из неистовых путаниц Арчи Пенко, похожей на велосипедное колесо без обода, слушая, как вибрируют и воют спицы, мы с Неверсом невольно

оперлись на крыло моей скульптуры.

В целом, пожалуй, верно, что самый оклеветанный вид на Земле — это богатый покровитель современного искусства. Над ними смеется публика, их эксплуатируют дилеры, даже художники считают их просто мешками с деньгами. Прекрасная коллекция звуковых скульптур Ланоры Гален на крыше ее венецианского палаццо и щедрые покупки на миллионы долларов, разбросанные по ее квартирам в Париже, Лондоне и Нью-Йорке, дарили свободу и жизнь многим скульпторам, но мало кто испытывал к мисс Гален благодарность.

Неверс что-то колебался, поэтому я толкнул его локтем.

— Пошли, — пробормотал я. — Судный день настал, так что — пойдем.

Неверс холодно повернулся ко мне, по-видимому впервые заметив мои запачканные ржавчиной брюки и трехдневную щетину.

— Мильтон! — рявкнул он. — Бога ради, исчезни! Смойся через черный ход! — Он мотнул в сторону моей скульптуры головой. — И выключи эту безумную штуку! Кто тебя вообще сюда пустил?!

Секретарша Ланоры, Мими Шарко, заметила нас в конце галереи. Джордж выпятил четыре дюйма безупречной манжеты и качнулся вперед с широкой, как бульдозер, улыбкой. Я попятился за свою скульптуру, не собираясь уходить и позволять Неверсу сбить мою цену только ради того, чтобы продать мое же творчество Ланоре Гален.

Джордж расшаркивался по всей галерее, не обращая внимания на презрительную усмешку мисс Шарко. Он подвел Ланору к одному из экспонатов и стал возиться с пультом управления, выбирая альтовый ключ, который лучше всего резонировал бы с тонами ее собственного тела. К несчастью, той статуей был «Гранд-Финал» Сигизмунда Любича, приземистый идол с бычьей шеей, похожий на огромную жабу, распевающую брачную песнь. Старый железнодорожный магнат мог бы захотеть себе нечто подобное, но реакция на нее Ланоры была подобна реакции тепловоза на бабочку.

Они перешли к другой скульптуре, и Мими Шарко указала на шофера в белых перчатках, стоявшего у «роллс-ройса». Шофер сел в машину и повел ее по улице, увлекая за собой пляжную толпу, которая начала собираться у галереи. Теперь, когда я мог ясно видеть Ланору на фоне

твердых белых стен, я прытко нырнул в рабочий отсек «Орбиты» и стал внимательно следить за ней сквозь плетеные медные спирали.

Конечно, я все уже знал о Ланоре Гален. Тысячи глянцевых журналов до тошноты каталогизировали ее странную неочевидную красу, ее приступы меланхолии и навязчивые скитания по столицам мира. Ее недолгая карьера киноактрисы рано пошатнулась — не столько из-за ее скромных, но всегда интересных талантов, сколько из-за простой неспособности к физическому проявлению. По жуткой иронии судьбы, после того как крупная автомобильная авария серьезно повредила ее лицо, она добилась необычайного успеха. Этот странно искаженный профиль и нервный взгляд заполняли кинотеатры от Парижа до Пернамбуку. Не в силах вынести свой образ, дань уважения маститым пластическим хирургам, Ланора внезапно бросила карьеру и стала ведущей меценаткой изящных искусств. Подобно Гарбо в 40-х и 50-х годах, она неуловимо порхала по колонкам светской хроники и ярким страницам в бесконечном бегстве от самой себя.

Ее лицо было ключом к разгадке. Когда она сняла солнцезащитные очки, я увидел странную тень, упавшую на нее — да так и застывшую на

гладкой белой коже. В ее сланцево-голубых глазах мерцал мертвый блеск, у рта залегла тревожная складка. В общем, у меня было смутное впечатление чего-то нездорового — как от человека с тайным пороком.

Неверс включал скульптуры направо и налево, как сумасшедший фокусник, и шум от их сенсорных клеток стоял такой, что и Вавилон бы возрыдал. Некоторые статуи реагировали на загадочное присутствие Ланоры, другие — на Неверса и секретаршу Шарко.

Ланора медленно покачала головой, сжав губы. Шум раздражал ее.

— Мистер Неверс, — сказала она своим слегка хриплым голосом. — Все это очень умно, но голова от ваших выдумок страшно болит. Хочется чего-то не столь громкого, более, скажем так, личного.

— Конечно, мисс Гален, — поспешно согласился Неверс, затравленно озираясь. Он слишком хорошо знал, что звуковая скульптура сейчас приближалась к апогею своей абстрактной фазы; скоро звук сольется в одну нестерпимую для уха ноту о дюжине тонов. Ясное дело, ничто в галерее ее не устроило — ни моцартовское рондо, ни квартеты Веберна, и я догадался, что она, устав

от того, что приобрела раньше, решила закинуть удочку в более дешевые галереи по типу той, что была в нашем популярном туристическом местечке — в Алых Песках.

Смерив задумчивым взглядом мою «Нулевую Орбиту», задвинутую на задворки галереи, за стол Неверса, Ланора, наверное, и не подозревала, что я прячусь внутри. Внезапно осознав, что возможность продать статую проклюнулась самым чудесным образом, я скорчился в рабочем отсеке — и тяжело задышал, активируя сенсорные контуры.

Статуя мигом ожила. Около двенадцати футов высотой, она имела вид огромного металлического тотема, увенчанного двумя геральдическими крыльями. Микрофоны на концах крыльев были достаточно мощными, чтобы улавливать дыхательные шумы на расстоянии двадцати футов. В фокусе были сразу четыре человека, и статуя стала испускать серию низких ритмичных импульсов.

Увидев, что статуя отвечает ей, Ланора с интересом подошла. Неверс испуганно попятился, забрав с собой Мими Шарко, оставив нас с Ланорой вдвоем, разделенных тонкой металлической оболочкой и тремя футами вибрирующего воз-

духа. Нащупывая какой-то способ расширить резонанс, я ослабил контроль над роликами, поднимавшими громкость. Нейрофоника никогда не была моей сильной стороной — я считаю себя, в старомодном смысле, скульптором, а не электриком, — и статуя была оборудована только для воспроизведения простой последовательности аккордовых вариаций звукового профиля в фокусе.

Зная, что Ланора скоро поймет, что репертуар статуи слишком ограничен для нее, я взял ручной микрофон, используемый для проверки цепей, и под влиянием момента начал напевать припев из «Креольского любовного призыва». Переинтерпретированные звуковыми ядрами, а затем переданные через громкоговорители, убаюкивающие переливы мотивчика оказались приятно успокаивающими, электронные сверхтоны маскировали мой голос и усиливали эмоциональный отклик. Я даже загордился — все-таки моя статуя была оценена в пять тысяч долларов, и даже вычет девяностопроцентной комиссии Неверса оставлял мне немного деньжат на проезд домой.

Подойдя к статуе, Ланора слушала ее неподвижно, широко раскрыв глаза от изумления, вероятно полагая, что она отражает, как зеркало,

ее субъективные впечатления о себе. Мой же ускоряющийся пульс вздымал темп на недостижимые величины, и я повторял припев раз за разом, меняя подъем басов для имитации кульминации.

Вдруг сквозь люк я увидел черные лакированные туфли Неверса. Сделав вид, что протягивает руку к пульту управления, он резко постучал по статуе — я и замолк.

— Не надо, пожалуйста! — вскрикнула Ланора, когда звуки стихли. Она неуверенно огляделась. Мими Шарко подошла поближе со странно настороженным выражением лица.

Неверс колебался.

— Конечно, мисс Гален. Эта штука все еще требует настройки, и вам лучше…

— Я возьму ее, — отрезала Ланора. Нацепив темные очки, она повернулась и поспешила прочь из галереи, пряча лицо.

Неверс смотрел ей вслед.

— Бога ради, что случилось? С мисс Гален все в порядке?

Мими Шарко достала из синей крокодиловой сумочки чековую книжку. Сардоническая ухмылка заиграла на ее губах, и через спираль я мельком, но проницательно взглянул на ее от-

ношение к Ланоре Гален. Именно тогда, думаю, я осознал, что Ланора, может быть, не просто еще одна скучающая дилетантка.

Шарко посмотрела на часы — золотая горошина висела на ее тощем запястье.

— Деньги будут переведены сегодня, ровно в три часа. Теперь, прошу, озвучьте цену.

Неверс спокойно ответил:

— Десять тысяч долларов.

Задыхаясь, я вылез из статуи и беспомощно зашипел на Неверса.

Мими Шарко удивленно взглянула на меня, хмурясь от вида моего грязного облачения. Неверс яростно, с размаху, наступил мне на ногу.

— Естественно, мадемуазель, наши цены скромны, но, как видите, мсье Мильтон — творец из начинающих.

Мими глубокомысленно кивнула.

— Так это скульптор? Слава богу. Я-то уже подумала, что он в этой статуе живет.

Когда она ушла, Неверс закрыл галерею на весь день. Он снял пиджак и взял со стола бутылку абсента. Откинувшись на спинку кресла, он слегка дрожал от нервного истощения.

— Скажи, Мильтон, ну разве ты не в неоплатном долгу передо мной? — спросил он.

В ответ я похлопал его по спине.

— Джордж, ты был великолепен! Когда поедешь в Париж — успех будет сопутствовать тебе во всем, клянусь короной Екатерины Великой. Десять тысяч долларов! — Я обошел статую по кругу, любуясь ей напоследок. — Такие суммы мне нравятся. Как насчет аванса моей доли?

Неверс угрюмо посмотрел на меня. В мыслях он наверняка был уже на улице Риволи, своими вощеными ручонками хватаясь за полотна Леонардо. Окинув статую критическим взглядом, он содрогнулся.

— Ну и женщина. Вкуса у нее нет никакого, это очевидно. Ты, я смотрю, восстановил ей запоминающую спираль? Ария из «Тоски» прозвучала отлично — я и не знал, что у статуи в репертуаре она есть.

— А вот и нет ее там, — лукаво ответил я, усаживаясь прямо на стол. — Это был я. Не совсем Карузо, признаю, но ведь Карузо как скульптор никуда не годился, и…

— Что? — Неверс вскочил со стула. — Хочешь сказать, ты использовал ручной микрофон? Ты дурак!

— Какое это имеет значение? Она и не узнает.

Неверс упал лбом на столешницу, стукнул по

ней кулаком.

— Да расслабься ты, — посоветовал я. — Ланора не из тех, кто оформляет возвраты.

Ровно в 9:01 следующего утра зазвонил телефон.

Когда я ехал на пикапе в Западную Лагуну, в ушах у меня еще стояли слова Неверса:

— …шесть международных черных списков! Потенциальное судебное разбирательство за искажение информации! Ты бы знал, сколько меда мне пришлось пролить в уши этой секретутке!

Да, бедолаге и впрямь пришлось горячо извиняться перед Мими Шарко и заверять ее, что издаваемый статуей монотонный гул — совсем не то, что должно звучать. Очевидно, при транспортировке повредили цепь, и теперь сам скульптор приедет, чтобы все исправить.

Обходя лагуну по пляжной дороге, я посмотрел на особняк Гален, абстрактный летний дворец, живо напомнивший мне дизайн Фрэнка Ллойда Райта для экспериментального универмага. Террасы выступали под всеми углами, всюду в опаляющем свете пустыни полыхала хромированная сталь, время от времени какая-нибудь звуковая скульптура уныло гудела, как будто для самой себя.

Мими Шарко встретила меня в вестибюле и повела вверх по широкой стеклянной лестнице. Стены были увешаны картинами Дали и Пикассо, моей же статуе было отведено почетное место в дальнем конце южной террасы, которая была размером с теннисный корт, без перил и даже без защитной сетки, и выступала над лагуной на фоне горизонта Алых Песков. Вся мебель на ней была сгруппирована в центре, образуя квадратный островок комфорта.

Бросив сумку с инструментами, я сделал вид, что разбираю панель управления, и поиграл с усилителем так, что статуя издала серию отрывистых звуковых всплесков. Огляделся по сторонам. На террасе была выставлена добрая дюжина статуй — по большей части раннего периода, родом из семидесятых, когда скульпторы закладывали в них то ритмичный лязг, то собачий лай, а галереи и общественные площади по всему миру днем и ночью переполнялись эхом от грохота и глухих ритмичных ударов.

— Есть успехи?

Я обернулся и увидел Ланору Гален. Никем не замеченная, она пересекла террасу и теперь стояла, уперев руки в бока, с интересом наблюдая за мной. В черном бикини, с распущенными по

плечам светлыми волосами, она выглядела более расслабленной, но темные очки все еще скрывали ее лицо.

— Просто разболтался клапан. Пара минут — и все наладится. — Я ободряюще улыбнулся ей, и она, пожав плечами, растянулась в шезлонге перед статуей. У четырехстворчатого окна в дальнем конце террасы притаилась Мими Шарко, таращась на нас со странной усмешкой, будто поперек ее лица протянули нитку бусинок. Раздражаясь, я включил статую на полную громкость и громко кашлянул в ручной микрофон.

Звук разнесся по открытой террасе, как артиллерийский выстрел. Секретарша вздрогнула — знай наших!

Ланора улыбнулась, когда эхо прокатилось по пустыне, и статуи на нижних террасах ответили приглушенной реверберацией.

— Много лет назад, когда отца не было дома, я выходила на крышу и кричала во весь голос, чтобы было эхо. Весь дом гудел часами, сводя слуг с ума. — При этом воспоминании она рассмеялась почти беззаботно, с таким видом, будто дело было только вчера.

— Попробуйте сейчас так сделать, — предложил я. — Или Мими будет с ума сходить?

Ланора приложила палец с выкрашенным в зеленый цвет ногтем к губам.

— Осторожнее, иначе у меня будут неприятности. Поймите, Мими мне не слуга.

— А кто тогда, надзирательница? — Я не воспринимал наш разговор серьезно, но вопрос прозвучал неожиданно тяжело, мрачно. Что-то в этой француженке заставило меня заподозрить, что она, возможно, играет не последнюю роль в поддержании иллюзий Ланоры относительно самой себя.

Я ждал, что Ланора ответит, но она проигнорировала меня и уставилась на лагуну. В течение нескольких секунд ее личность изменилась, она снова стала далекой самодержавной принцессой.

Я незаметно сунул руку в сумку с инструментами и вытащил катушку магнитной ленты. Вставив ее в разъем, включил проигрыш. Статуя слегка завибрировала, и в неподвижном воздухе послышалось тихое мелодичное пение.

Стоя за статуей, я наблюдал, как Ланора реагирует на музыку. Звуки нарастали по мере того, как она приближалась к моему творению. Постепенно ритмы ускорились, настроение стало настойчиво-жалобным, сентиментальным.

Музыковед с ходу определил бы эти звуки как транскрипцию балконного дуэта из «Ромео и Джульетты», но для Ланоры единственным их источником была статуя. Я сделал запись в то утро, понимая, что это был единственный способ спасти продажу. Путаница Неверса с «Тоской» и «Креольским любовным призывом» напомнила мне, что у меня в запасе есть вся классическая опера. За десять тысяч долларов я бы с удовольствием заезжал сюда раз в день и пел арии от Фигаро до Моисея и Аарона.

Внезапно музыка смолкла. Ланора выступила из фокуса статуи и замерла в двадцати футах от меня. За ней, в дверях, стояла Мими Шарко.

Ланора кротко улыбнулась.

— Да, теперь меня все, похоже, устраивает, — сказала она. Без сомнения, так мне давали понять, что пора уходить.

Я заколебался, внезапно задумавшись, сказать ли ей правду. Мои глаза изучали ее прекрасное в своем несовершенстве лицо. Но Мими встала между нами, скалясь, как какая-нибудь Красная Смерть.

Неужели Ланора Гален действительно верила, что скульптура поет для нее? В течение двух недель, пока пленка не размагнитится, об этом

можно было не переживать. К тому времени мы с Неверсом обналичим чек и рванем в Париж.

Однако через два-три дня я понял, что хочу снова увидеть Ланору. Рассуждая здраво, я сказал себе, что статую нужно проверять, иначе Ланора может обнаружить обман. В течение следующей недели я дважды ездил в ее резиденцию под предлогом настройки скульптуры, но Мими Шарко отваживала меня; эта стерва ухитрилась перехватить даже прямой звонок. Когда я увидел-таки Ланору один раз, та гнала на большой скорости через Алые Пески в своем «роллс-ройсе», в тусклом блеске золота и нефрита.

От нечего делать я перебрал свою фонотеку, выбрал кое-что из Тосканини — фрагмент «Тристана и Изольды», тот самый, где Тристан оплакивает разлуку с возлюбленной, — и тщательно переписал музыку на пленку.

В тот вечер я поехал в Западную Лагуну, припарковал машину у пляжа на южном берегу. В лунном свете беседка в полумиле от меня выглядела как абстрактная киносъемочная площадка, одинокий огонек на верхней террасе освещал очертания моей статуи. Осторожно ступая по плавленому кремнезему, я медленно направился к нему, и в легком ветерке пронеслись обрывки

песни статуи. В двухстах ярдах от дома я залег на теплой дюне, наблюдая, как один за другим гаснут огни Алых Песков, словно тающие драгоценные камни в каком-то фантастическом огромном ожерелье.

Там, наверху, статуя изливала свою музыку в синеву ночи, не оступаясь и не прерываясь. Ланора, должно быть, сидела совсем рядом с ней, и музыка обволакивала ее нематериальным потоком. Вскоре после того, как пробило два, все стихло, и я увидел ее у перил — белая горностаевая накидка на ее плечах легонько колыхалась на ветру, пока Ланора смотрела в яркое безумное око луны.

Через полчаса я взобрался на стену и пошел к винтовой пожарной лестнице. Лианы, обвивавшие перила, заглушали звук моих шагов по металлическим ступеням. Я незаметно добрался до верхней террасы. Далеко внизу, в своей каюте на северной стороне, спала Мими Шарко.

Выйдя на террасу, я двинулся между темными статуями, рождая в них тихий лепет. Я присел на корточки внутри «Нулевой Орбиты», отпер панель управления и заправил новую катушку, слегка увеличив громкость.

Уходя, я увидел в двадцати футах внизу запад-

ную террасу, где Ланора спала под звездами на огромной бархатной кровати, словно мертвая принцесса на пурпурном катафалке. Ее лицо сияло в свете звезд, распущенные волосы скрывали обнаженную грудь. Позади нее стояла на страже статуя, тихо напевая себе под нос, пульсируя в такт ее дыханию.

Трижды после полуночи я приходил к Ланоре домой, прихватив с собой еще одну катушку кассеты, еще одну любовную серенаду из моей фонотеки. В прошлый раз я смотрел, как она спит, пока над пустыней не забрезжил рассвет. Я сбежал вниз по лестнице и помчал по песку, прячась в холодных тенях всякий раз, когда по пляжной дороге проезжала машина.

Весь день я сидел у телефона в своей квартирке, надеясь, что она позвонит мне. Вечером я вышел к песчаным рифам, взобрался на один из шпилей и после ужина наблюдал за Ланорой на террасе. Она лежала на кушетке перед статуей, и до глубокой ночи та играла для нее бесконечный напев. Ее голос был теперь настолько силен, что машины замедляли ход в нескольких сотнях ярдов, и сконфуженные водители искали источник мелодий, прорезающих яркий вечерний воздух.

Наконец я подготовил последнюю запись, впер-

вые — собственным голосом. Я вкратце описал на ней суть моего подлога и тихо спросил Ланору, не согласится ли она позировать для меня — чтобы я мог создать новую скульптуру взамен купленной ею подделки.

Я крепко сжимал ленту в руке, пока шел через озеро, глядя вверх на вытянутые контуры террасы. Когда я добрался до стены, человек в черном костюме высунул голову из-за выступа и посмотрел на меня. Это был шофер Ланоры.

Вздрогнув, я двинулся прочь по песку. В свете луны лицо шофера белело, точно кость.

На следующий вечер, как я и предполагал, наконец зазвонил телефон.

— Мистер Мильтон, статуя опять сломалась, — голос Мими Шарко звучал резко, напряженно. — Мисс Гален очень расстроена. Вы должны прийти и починить ее. Немедленно!

Я прождал час перед отъездом, прокручивая пленку, записанную накануне. На этот раз я буду присутствовать, когда Ланора услышит ее.

Мими Шарко ждала меня у стеклянных дверей. Я припарковался во дворе близ «роллс-ройса». Когда я подошел к ней, то заметил, как жутко звучит дом. Повсюду статуи что-то бормотали себе под нос, издавая щелчки и лязги, как встревоженные

обитатели зоопарка, с трудом успокоившиеся после бури. Даже Мими Шарко выглядела усталой и напряженной.

На террасе меня остановили.

— Одну минуту, мистер Мильтон. Я посмотрю, готова ли мисс Гален принять вас. — Мими тихо подошла к шезлонгу, стоявшему у статуи в конце террасы. Ланора неловко растянулась на нем, ее волосы были растрепаны. Когда секретарша приблизилась, она раздраженно села.

— Он здесь? Чья это была машина? Разве он не пришел?

— Он готовит оборудование, — успокаивающе сказала Мими. — Мисс Ланора, позвольте-ка мне причесать вас…

— Да вот еще! Боже, чего он так медлит? — Она вскочила и подошла к статуе, молча глядя в темноту. Пока Мими Шарко подобострастно отступала в тень, Ланора опустилась на колени перед статуей и прижалась правой щекой к ее холодной поверхности.

Она безудержно зарыдала, ее плечи сотрясали глубокие спазмы.

— Подождите, мистер Мильтон! — зашипела Мими и крепко ухватила меня за локоть, когда я попытался сделать шаг навстречу безутешной

женщине. — Она еще некоторое время не захочет видеть вас. Вы, конечно, тот еще самородок… наделили эту статую прекрасным голосом! Она говорит как раз то, что нужно…

Я вырвался и прянул в темноту.

— Ланора!

Она огляделась, волосы на ее лице слиплись от слез. Безвольно прислонилась к темной вертикали статуи. Я опустился на колени и взял ее за руки, желая помочь ей встать.

Но она отшатнулась от меня, как от огня.

— Почини ее! Поторопись, чего ты ждешь? Заставь статую снова петь!

Казалось, ей сейчас было совершенно не под силу вернуть контроль над собой. Я отступил назад, все еще сжимая в руке катушку магнитной ленты.

— Что с ней такое? — шепотом спросил я у Мими Шарко. — На самом деле звуки исходят не от статуи — она ведь это понимает?

Секретарша резко приосанилась.

— Как это понимать — не от статуи?

Я показал ей катушку:

— Это не настоящая звуковая скульптура. Музыка берется с магнитной ленты.

Из горла Мими вырвался короткий хриплый

смешок.

— Ну что ж, тогда замените пленку. Ей все равно, откуда она берется. Ее интересует статуя, а не ваши грязные дела.

Я колебался, наблюдая за Ланорой, все еще сгорбившейся, как просительница, у подножия моего монумента.

— Вы хотите сказать?.. — недоверчиво начал я. — Хотите сказать, она влюблена в статую?

Взгляд Мими Шарко обличил всю бездну моей наивности.

— Не в статую, — обронила она, — а в саму себя.

Какое-то мгновение я стоял среди бормочущих скульптур, потом бросил катушку на пол и отвернулся.

На следующий день они покинули Западную Лагуну.

Неделю я оставался у себя на квартире, а однажды вечером, после того как Неверс сказал мне, что они уехали, поехал по пляжной дороге к летнему домику.

Дом был закрыт, статуи неподвижно стояли в темноте. Мои шаги отдавались эхом среди балконов и террас, и дом вздымался к небу подобно надгробию. Все источники звука были

выключены, и я понял, насколько мертвой и монументально-закостенелой должна была казаться обычная, беззвучная скульптура.

«Нулевая Орбита» тоже исчезла. Я предположил, что Ланора взяла ее с собой — до того погруженная в свое самолюбие, что предпочла туманное зеркало, напоминавшее о ее красоте, отсутствию зеркала в принципе. И вот сейчас она сидит на веранде какого-нибудь пентхауса в Венеции или Париже, близ огромной скульптуры, подпирающей темное небо, и раз за разом, раз за разом слушает фальшивую песнь, исполняемую для нее…

Полгода спустя Неверс заказал мне еще одну статую. Однажды в сумерках я вышел к песчаным рифам, в россыпь произраставших здесь звуковых спиралей. Когда я приблизился, они поскрипывали на ветру всякий раз, когда сквозь них пробивались тепловые градиенты. Я шагал вверх по протяженному склону, слушая, как они скулят, ища ту, что послужила бы тональным ядром для новой статуи.

Где-то впереди, в темноте, я услышал знакомую фразу, искаженный фрагмент человеческого голоса. Вздрогнув, я пробежал вперед, слепо ориентируясь на звук.

Затем в ложбинке под гребнем я нашел источник. Наполовину погребенные под песком, как скелет вымершей птицы, лежали двадцать или тридцать кусков металла — расчлененные туловище и крылья моей статуи. Многие осколки снова пустили корни и издавали тонкий призрачный звук — разрозненные фрагменты завещания Ланоре Гален, которое я обронил на ее террасе.

Пока я спускался по склону, белый песок укрывал мои следы — будто само Время через стекло вселенских песочных часов силилось достать меня. Отзвуки моего голоса тихо плакали в металлических садах — как позабытый любовник, шепчущий что-то над мертвой арфой.

1961

The Singing Statues. Первая публикация в журнале *Fantastic*, июль 1962.

Перевод О. Макеевой